

Ryčeva, Jekaterina

Tantum scimus, quantum memoria tenemus: память в зеркале языка

Opera Slavica. 2022, vol. 32, iss. 4, pp. 73-84

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2022-4-9>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.77066>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20221219

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

About the author

Bohumil Vykypěl

Czech Language Institute of the CAS, v. v. i., Brno, Czech Republic

vykypel@ujc.cas.cz

<https://orcid.org/0000-0001-8345-0047>



Toto dílo lze užít v souladu s licenčními podmínkami Creative Commons BY-SA 4.0 International (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). Uvedené se nevztahuje na díla či prvky (např. obrazovou či fotografickou dokumentaci), které jsou v díle užity na základě smluvní licence nebo výjimky či omezení příslušných práv.

<https://doi.org/10.5817/OS2022-4-9>

Tantum scimus, quantum memoria tenemus: память в зеркале языка

MOKIJENKO, W., TARSA, J. (eds): *Język i pamięć: Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. urodzin*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2020. 734 s. ISBN: 978-83-7395-885-2.

Язык является хранилищем и средством передачи знаний человека об окружающей действительности, которые формируют его картину мира и фиксируются в памяти. Благодаря воспроизведению прошлого опыта, носитель языка, получая информацию, проводит аналогии между знакомыми и незнакомыми предметами или ситуациями, тем самым расширяя границы представлений о мире. По словам О.Г.Ревзиной, «сцепляясь с ментальными процессами, память участвует в построении аналогий и сопоставлений, в вынесении оценок, в выработке оперативных тактик и дальнедействующих стратегий»¹. Язык помогает транслировать и накапливать опыт, традиции, нормы, ценности, устои, которые формируют нравственные, интеллектуальные и духовные идеалы индивида, а также культурное и национальное самосознание.

Коллективная монография «*Język i pamięć*», целью которой является комплексное рассмотрение вопросов отражения памяти в зеркале языка, посвящена 70-летию профессора Опольского университета В. Хлебды, члена Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, внесшего огромный вклад

1 REVZINA, O. G.: Pamjat' i jazyk. In: *Kritika i semiotika*. Vyp. 10. Novosibirsk, 2006, s. 14.

в развитие этнолингвистики, социоллингвистики, лексикологии, фразеологии, фразеологии и переводоведения.

Во вступительном слове² коллеги В. Хлебды выражают глубокое уважение его достижениям и раскрывают идею возникновения данной коллективной монографии. В следующей главе (*Слово о профессоре Войцехе Хлебде*³) В. Мокиенко показывает масштаб личности и значение научной деятельности юбиляра, последовательно демонстрируя размах его научного наследия. Вступительная часть сопровождается обширным библиографическим списком публикаций профессора В. Хлебды.⁴

Основная часть коллективной монографии⁵ состоит из работ известных ученых-славистов, опубликованных на разных славянских языках. Исследования освещают актуальные проблемы этнолингвистики, лексикологии, фразеологии, лингвокультурологии, лексикографии, транслатологии и т. д., которые входят в круг научных интересов В. Хлебды. Главы монографии расположены в алфавитном порядке по фамилии автора, что определило последовательность рассмотрения работ в настоящей рецензии. Авторы коллективной монографии предпринимают попытку обобщения научного наследия В. Хлебды, поэтому содержание книги демонстрирует различные линии исследований, связанных с проблемой фиксации памяти в языке.

Н. Алефиренко рассуждает о когнитивной фразеологии, целью которой является изучение дискурсивных особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ) (*Дискурсивные лики фразеологизма*⁶). По мнению автора, фразеологический смысл представляет собой результат привнесения в ФЕ коннотаций, которые соответствуют конкретной дискурсивной ситуации. Другими словами, значение фразеологизма может актуализироваться в связи с определенным контекстом и интенциями говорящего.

Научная и методическая проблематика создания двуязычных словарей языка писателя рассмотрена Т. Аникиной (*Лексикографический метод анализа художественного текста и проблемы стилистики*⁷). Автор подчеркивает, что двуязычные словари данного типа являются базой для анализа не только творчества конкретного автора, но и языковых картин мира различных народов.

2 МОКИЕНКО, W., TARSA, J. (eds): *Język i pamięć: Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. urodzin*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2020, s. 9.

3 Там же, с. 11–25.

4 Там же, с. 27–47.

5 Там же, с. 49–734.

6 Там же, с. 49–58.

7 Там же, с. 59–67.

Д. Балакова (*Z výsledkov sociolingvistického slovensko-ruského výzkumu (parémie biblického pôvodu*)⁸) представляет методологию и результаты исследования, проведенного для выявления степени сформированности фразеологической/паремиологической компетенции (на базе паремий библейского происхождения) в сопоставительном аспекте у разновозрастных носителей словацкого и русского языков.

Гендерные аспекты чешской фразеологии раскрыты М. Баловским (*Czeskie frazeologizmy z komponentem muž i jego synonimami*)⁹). По мнению автора, в чешском языке зафиксированы стереотипные представления об образе и поведении мужчины и доминирует традиционная репрезентация маскулинности, что может входить в противоречие с современными социальными тенденциями.

М. Банько (*Nauczyciel sprawiedliwy: refleksje językoznawcy*)¹⁰) размышляет о смысловом наполнении понятия «справедливый учитель» и многоаспектном ценностном характере «справедливости» в процессе акаемического обучения, приводя результаты анкетирования среди студентов.

Основатель Люблинской школы этнолингвистики Е. Бартминьский (*Z czym „rytuje się“ WOLNOŚĆ?*)¹¹) рассматривает лексему и концепт «свобода» в польском языке в трех измерениях: в лексико-семантическом поле (на основе гипо- и гиперонимических отношений, синонимических, антонимических и эндомимических связей), в понятийных связях (на основании исследования, проведенного на базе Национального корпуса польского языка и фразеологических словарей) и концептосфере, которая отражает мировоззрение, нормы, правила поведения и ценности носителя языка.

Х. Бартвицка рассматривает польские и русские компаративы ситуативного характера, отличающиеся оригинальностью и экспрессивностью и служащие для выражения оценки и отношения к предмету действительности (*O pewnych obrazowych porównaniach językowych*)¹²). По словам ученого, индивидуально-авторские сравнения могут стать частью языковой системы.

А. Бирих рассуждает о методологических проблемах исторической фразеологии и идеографии (*Историческая фразеология и идеография (на материале фразеосемантического поля «обман» в русском языке*)¹³). Автор подробно представляет достоинства применения метода идеографического анализа в историческом

8 Там же, с. 69–76.

9 Там же, с. 77–94.

10 Там же, с. 95–104.

11 Там же, с. 105–115.

12 Там же, с. 117–123.

13 Там же, с. 125–134.

аспекте, подчеркивая, что идентификация семантических и структурно-семантических моделей является важным условием для установления стереотипов (эталонов, типичных образных представлений) во фразеологической картине мира носителей языка.

Результаты эксперимента, проведенного Д. Борисовски на базе Национального корпуса русского языка и интернет-портала Грамота.ру, показывают перспективы использования корпусной методологии для составления фразеологических словарей (*O pewnej możliwości ewaluacji frazeologii na przykładzie danych z portalu Gramota.py i z Narodowego Korpusu Języka Rosyjskiego*¹⁴).

Д. Бжозовска и М. Ижиковска (*Otwartość skrzydlatologa*¹⁵) последовательно доказывают, что *открытость* является одной из важнейших качеств настоящего ученого, способного творчески подходить к рассмотрению научной проблематики и мыслить вне существующих шаблонов. Исследователи демонстрируют личностный, научный и социальный аспекты «открытости», отдавая дань уважения научной деятельности профессора В. Хлебды.

Исследование И. Чаплинской (*Wygności, niechciani, zapomniani? Temat wygnania Niemców w czeskiej i słowackiej prozie pisanej przez kobiety*¹⁶) посвящено особенностям памяти и постпамяти в женской прозе, поднимающей проблемы немецкого национального меньшинства в Чехословакии после Второй мировой войны.

В. Черняк раскрывает проблематику интертекстуальных вкраплений в современной беллетристике и определяет способы введения интертекстуальных элементов при помощи различных метаязыковых комментариев для создания интеллектуального комфорта у читателя (*Интертекстуальные включения в современной беллетристике*¹⁷).

Ценностные характеристики человека в чешской фразеологии рассмотрены К. Дембской, которая всесторонне описывает особенности ФЕ, использующихся для характеристики характера, внешности и поведения человека (*O człowieku (nie zawsze) poczciwym w czeskiej frazeologii*¹⁸).

И. Добротова (*Ekoterroryzm, ekofaszyzm, ekodyktatura – Greta Thunberg i kształtowanie się dyskursu antyekologicznego w Czechach i w Polsce*¹⁹) раскрывает особенности так называемого «антиэкологического» дискурса в Чехии и Польше,

14 Там же, с. 135–148.

15 Там же, с. 149–157.

16 Там же, с. 159–167.

17 Там же, с. 169–175.

18 Там же, с. 177–186.

19 Там же, с. 187–197.

который реализуется за счет дискредитирующей стратегии при обсуждении экологической тематики.

Рассуждая о процессе формирования индивидуального фразеологического фонда индивида, О. Федосов касается проблематики описания «микрофразеологии», источником которой является ближайшее окружение носителей языка (*Ala ma kota, или фразеология моей бабушки*²⁰).

Семантические особенности небольшой группы хорватских ФЕ со словом-компонентом *sedlo* рассмотрены Ж. Финк (*Кого выбивают из седла? Хорватские фразеологизмы с компонентом sedlo и их русские эквиваленты*²¹). Лингвист разделяет данные фразеологизмы на три группы: 1) неподходящая одежда, 2) понижение социального статуса или попадание в неудачную ситуацию и 3) власть и должность. Автор анализирует частотность употребления ФЕ, принадлежащих к отдельным группам, а также находит эквиваленты в русских фразеологических словарях.

Г. Фонтански (*O składni i kompozycji Lokomotywy Juliana Tuwima*²²) изучает специфику коммуникативных регистров в поэме «Локомотив» Ю. Тувима на основе концепции коммуникативной грамматики, предложенной Г. А. Золотовой.

Теолингвистика как актуальное междисциплинарное направление исследований подробно рассмотрена А. Гадомским (*Теолингвистика двадцать лет спустя*²³). Автор выделяет основные проблемы, которые находятся в центре внимания современных ученых-теолингвистов: методология науки, терминология, история, стилистика теологического языка и пр.

С. Гайда (*Przeszłość i pamięć (nie)ujęzkwowiona?*²⁴) касается вопросов соотношения опыта и памяти в языке, взаимодействия реальности и разных типов текстов (дискурсов).

Дискуссию о современном состоянии и будущем языковедения открывает Л. Грабовский, который отмечает возрастающую потребность в использовании статистических методов при проведении лингвистического исследования, а также в развитии навыков программирования (*Statystyka, programowanie i co jeszcze? O wyzwaniach współczesnego językoznawstwa*²⁵).

20 Там же, с. 199–208.

21 Там же, с. 209–219.

22 Там же, с. 221–237.

23 Там же, с. 239–248.

24 Там же, с. 249–256.

25 Там же, с. 257–271.

Представляя новый подход к анализу фразем каузальной семантики, Т. Яценко устанавливает связь семантики ФЕ с определенными функционально-семантическими категориями (локальность, темпоральность, каузальность и т. д.) (*Каузальные фраземы с вегетативным компонентом*²⁶).

И. Йокиель, исследуя особенности произведений Патрика Зюскинда (*Czytanie Süskinda*²⁷), отмечает глубину конечного смысла сюжета, порождающую множество возможностей интерпретации.

Многокомпонентная единица *vom как-то так*, которая может выступать в роли наречия, восклицания или частицы, описана Э. Конечал (*O jednej frazie współczesnej ruszczyzny: vom как-то так*²⁸). По наблюдениям автора, значение данной единицы меняется не только в зависимости от логического акцента и интонации, но и степени самостоятельности и места в высказывании.

К. Косаковска-Ярош (*Śląska barokowa Litania o św. Barbarze, Pannie i Mężczyznicy*²⁹) изучает историю возникновения и трансформации содержания молитвы (литаний), обращенной к святой Варваре в барочном польскоязычном молитвеннике.

С. Козиара (*Wokół pojęcia biblizmu – raz jeszcze*³⁰) предпринимает попытку описания истории и интерпретации понятия *библейзм* в польской лингвистике, подчеркивая важность дефиниций, предложенных В. Хлебдой.

Вопросы установления границ между идиоматическим словом и фразеологическим словосочетанием и проблематика «общей фразеологии» (по Ф. Чермаку) рассмотрены Э. Кржишник (*Граница между идиоматическим словом и фразеологическим словосочетанием*³¹).

Ч. Лахур рассуждает о категоризации и лингвистической интерпретации так называемых «параметрических предлогов» в современном польском языке (*Wprowadzenie do teorii tzw. przyimków parametrycznych*³²).

В работе Р. Левицкого рассмотрены избранные русские фразеологические сращения (*не тут-то было, себе на уме, что ни на есть, куда ни шло, ничтоже сумняшеся*) в лексикографическом и сопоставительном (русско-польском) переводческом аспекте (*Wybrane rosyjskie zrosty frazeologiczne w aspekcie leksykoграфicznym i przekładowym*³³).

26 Там же, с. 273–283.

27 Там же, с. 285–295.

28 Там же, с. 297–309.

29 Там же, с. 311–325.

30 Там же, с. 327–335.

31 Там же, с. 337–349.

32 Там же, с. 351–359.

33 Там же, с. 361–374.

И. Любоха-Круглик обращается к особенностям перевода произведений Виктора Пелевина, отмечая смешивание культурных кодов в творчестве писателя (*Kody kulturowe Wiktora Pielewina i ich odzwierciedlenie w przekładzie. Wybrane aspekty*³⁴).

Жанровые особенности открытых писем как одной из форм взаимодействия граждан страны с органами власти рассмотрены Э. Малиновской (*List otwarty jako forma komunikowania obywateli z władzą*³⁵). Исследователь отмечает, что открытые письма подразумевают двойного адресата (собственно получатель письма и широкая общественность), что определяет их прагматическое своеобразие.

Р. Марцинкевич (*Bonus*³⁶) изучает семантическое наполнение лексемы *бонус* в польском языке, а также рассуждает о причинах и следствиях включения бонусных композиций в музыкальные альбомы.

Работа И. Мендельской (*Połączenia wyrazowe w pierwszych radzieckich słownikach rosyjsko-innojęzycznych*³⁷) посвящена проблемам включения отдельных словосочетаний в первые советские переводные словари (русско-польский и русско-немецкий).

М. Моцарз-Кляйндист показывает возможности и перспективы использования кинематографических битекстов при составлении двуязычных переводных словарей (*O wykorzystaniu dwutekstów filmowych w rosyjsko-polskiej leksykografii przekładowej*³⁸).

В работе К. Моджеевской (*Kobiece modelowanie norm społecznych w siedemnastowiecznym Paryżu*³⁹) поднимаются вопросы влияния женских салонов на моделирование социальных норм и поведения в XVII веке в Париже. Автор утверждает, что женские салоны позволили женщинам вести активную общественную жизнь, оттачивать ораторское мастерство и навыки литературной критики.

С. Небжеговска-Бартмињска анализирует крестьянский этос труда в системе родственных ценностей с позиции этнолингвистики (*Chłopski etos trudu w sieci wartości stowarzyszonych*⁴⁰). По мнению С. Небжеговска-Бартмињской, реконструкция мира ценностей может быть проведена тремя способами: 1) изучение аксиологически наполненных жанров (сонник, пожелание, гороскоп); 2) проведение анкетирования, целью которого является определение

34 Там же, с. 375–383.

35 Там же, с. 385–393.

36 Там же, с. 395–406.

37 Там же, с. 407–422.

38 Там же, с. 423–432.

39 Там же, с. 433–441.

40 Там же, с. 433–441.

списка ценностей; 3) семантический анализ ключевых понятий, значимых для конкретной культуры.

Е. Николаева и Е. Селиверстова, рассматривающие ассоциативный и фразеологический аспекты представлений человека о хлебе (*ХЛЕБ — ДА! (Хлеб как мерило качества жизни: ассоциативный и фразеологический аспекты)*⁴¹), приходят к выводу, что образ хлеба выступает в качестве характеристики благополучия и определенного материального уровня.

Проблематика устойчивых метаязыковых рефлексивов раскрыта в работе З. Новоженовой (*Устойчивые метаязыковые рефлексивы: парадигмы интерпретаций*⁴²). Лингвист выделяет свойства рефлексивов (репродуктивность, дискурсивность, прагматичность и коммуникативность), а также указывает на необходимость лексикографического описания данных единиц.

Б. Ольшевска воссоздает образ святого Николая в избранных произведениях для детей и юношества и показывает, каким образом формируется положительный образ святого в современной литературе (*Święty dzieci i dorosłych. Wizerunek świętego Mikołaja w wybranych utworach dla dzieci i młodzieży*⁴³).

А. Пайдзиньска (*Mądry, czyli jaki?*⁴⁴) рассматривает концепт *мудрость* в польском языке на базе оппозиции *мудрый/глупый*. Лингвист устанавливает, что концептуализация мудрости происходит на базе метафор ГОЛОВА — ЭТО КОНТЕЙНЕР, РАЗУМ — ЭТО ВЕЩЬ, РАЗУМ — ЭТО МАШИНА, РАЗМЫШЛЕНИЕ — ЭТО ДЕЙСТВИЕ, ПОНИМАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ. Кроме того, житейская мудрость противопоставляется книжной мудрости (к последней относятся с пренебрежением и презрением).

Т. Пиотровски (*Słowniki polskie: Słownik frazeologiczny Stanisława Skorupki*⁴⁵) раскрывает проблематику польских словарей на базе «Фразеологического словаря польского языка в 2-х томах» Станислава Скорупки и поднимает вопрос о методологии подсчета устойчивых оборотов, зафиксированных в словаре.

Исследование Л. Писарека посвящено систематизации польско-русских переводных пар-историзмов (важные события и факты, относящиеся ко Второй мировой войне), которые укоренились в памяти носителей польского языка (*О польско-русских переводных парах, относящихся ко Второй мировой войне*⁴⁶).

41 Там же, с. 459–471.

42 Там же, с. 473–486.

43 Там же, с. 487–498.

44 Там же, с. 499–508.

45 Там же, с. 509–519.

46 Там же, с. 521–525.

А. Пстыга занимается проблемой функционирования фразеологических единиц в польском медиадискурсе (*Jednostki frazematyczne w polskim dyskursie medialnym: reprodukowalność i pamięć*⁴⁷). Автор считает ФЕ элементом структурированного опыта и памяти и смысловым ядром высказывания. По словам А. Пстыги, ФЕ позволяет активизировать коннотативно-аксиологическую сферу, передавать дополнительные смыслы и создавать подтекст.

М. Рак (*Od folkloru słownego do frazematyki (na materiale gwary podhalańskiej)*⁴⁸) обращается к изучению мотивационных аспектов образования ФЕ на основе словесного фольклора, главным образом, песен. Лингвист выделяет шесть источников возникновения изучаемых ФЕ: 1) песни разбойников, 2) свадебные песни и словесный фольклор, 3) песни-размышления, 4) любовные и шуточные песни, 5) песни пастухов, 6) семейные песни.

К. Ратайчик рассматривает ФЕ в качестве стилистического средства в творчестве В. Токаревой, придающего языку произведений писателя особый колорит и побуждающего читателя дешифровать скрытые смыслы (*Фразеологические инновации как стилистический приём в творчестве В. Токаревой (на материале повестей Первая попытка и Звезда в тумане)*⁴⁹).

С. Руденко (*Зв'язок глутонімів-артефактів з темпоративами української сімейної обрядовості*⁵⁰) определяет связь глутонимов-артефактов с темпоративами украинской семейной обрядности (от рождения человека до создания собственной семьи) на материале фольклорных и этнографических источников XIX–XX вв.

В работе Л. Рудницькой (*Українські іменники спільного роду як предметно-ознакові імена: функціональний та семантико-дериваційний аспекти*⁵¹) выявлены причины, по которым существительные общего рода используются в качестве оценочных наименований лиц.

Ж. Сладкевич (*Фразеологические модификации в современных социальных практиках (на примере польско- и русскоязычных плакатов Loesje)*⁵²) выделяет основные игровые приемы, основывающиеся на изменении культурно-языковых кодов: каламбур, буквализация значения ФЕ, создание эффекта «обманутого ожидания», контаминация репродуктов и пр.

47 Там же, с. 527–536.

48 Там же, с. 537–550.

49 Там же, с. 551–561.

50 Там же, с. 563–574.

51 Там же, с. 575–581.

52 Там же, с. 583–595.

Л. Степанова (*Динамика библейского фонда русской и чешской фразеологии*⁵³) указывает на различия в фондах библейской фразеологии в русском и чешском языках и выделяет причины данного несоответствия (например, наличие переводов разных источников библейских текстов, новые заимствования из иностранных языков, народно-этимологическое искажение ФЕ и т. д.).

На базе исследования колоронимов с корнем *rūd-/rūd-/roud-, используемых для обозначения красного цвета, В. Супрун последовательно демонстрирует особенности этнолингвосознания славянских народов (*Слова с корнем *rūd-/rūd-/roud- в славянской колоронимии*⁵⁴).

И. Шершунович (*Frazeologizm dusza człowiek jako przykład pozytywnej etykietyki językowej*⁵⁵) приходит к выводу, что коннотативная нагрузка ФЕ *dusza człowiek* превышает его семантическое содержание. Устойчивый оборот в концентрированном виде передает оценку человека, вызывающую ассоциации, которые могут актуализироваться в зависимости от контекста.

С. Шулежкова (*Фразы-самохарактеристики Иисуса Христа и его девизы в древнейших славянских текстах*⁵⁶) выделяет несколько типов фраз-самохарактеристик: 1) сверхсловные наименования, связанные с происхождением Иисуса Христа, 2) изречения, подчеркивающие сущностное и духовное единство с Господом Богом и единство с учениками, 3) характеристика достоинств и возможностей Иисуса Христа, связанных с его божественной природой.

Специфика функционирования крылатых слов в демотиваторах представлена в работе Я. Тарсы (*Skrzydlate słowa w demotyworach*⁵⁷). По словам исследователя, сочетание цитат и крылатых слов с графическим элементом в демотиваторах способствует дефразеологизации устойчивого оборота и возникновению языковой игры. Комплексный характер демотиваторов оказывает сильное прагматическое воздействие на реципиента, благоприятствуя запоминанию информации и интенсификации эмоций.

Х. Вальтер (*Поляк и Польша в немецких пословицах и поговорках*⁵⁸) отмечает, что сопоставительное рассмотрение паремий позволяет «определить объективную языковую оценку страны» и избавиться от укоренившихся негативных стереотипов по отношению к отдельным народам.

53 Там же, с. 597–605.

54 Там же, с. 607–617.

55 Там же, с. 619–631.

56 Там же, с. 633–644.

57 Там же, с. 645–653.

58 Там же, с. 655–664.

Белорусские и европейские культурные традиции в творчестве В. Короткевича раскрыты в работе Т. Вельга (*Białoruskie i europejskie tradycje kulturowe w twórczości Uładzimira Karatkieviča*⁵⁹). По мнению ученого, произведения В. Короткевича пронизаны любовью к белорусской культуре и истории, насыщены идеями гуманизма, а также испытывают влияние славянских и европейских литератур.

П. Вержхонь (*Fotodokumentacja w służbie. Facebook Narodu*⁶⁰) презентует цели создания и сущность поисковой системы «Facebook Narodu» на базе фотодокументации XX века, которая представляется источником ценной исторической информации как в образовательных, так и в личных целях.

Исследование М. Вуйчицкой (*Skrzydlate słowa w kręgach pamięci*⁶¹) посвящено специфике функционирования крылатых слов в коллективной памяти. Пользуясь концепцией В. Хлебды, лингвист говорит о четырех кругах памяти: индивидуальном, поколенческом, коллективном и культурном. М. Вуйчицка утверждает, что совокупность текстовых реализаций связана с памятью поколений, словарная статья свидетельствует о переходе крылатого слова в коллективную память, а психический инвариант принадлежит к культурной памяти.

З. Выходилова останавливается на проблеме типологического родства языков в переводоведении, выделяя три основных типа языковой интерференции при переводе: лексико-семантический, морфолого-синтаксический и стилистический (*Типологическое родство языков — помощник или неприятель переводчика?*⁶²). Ученый указывает на специфику перевода фразеологизмов в текстах современной литературы чешскими студентами-переводчиками. З. Выходилова приходит к выводу, что особые трудности у студентов вызывает определение новых и окказиональных ФЕ.

В. Высочански (*Frazeologia w badaniach nad językowym obrazem świata. Rekonnesans badawczy*⁶³) подчеркивает важность сопоставительных исследований фразеологических картин мира, которые помогают выявить этнокультурные и универсальные знания об окружающей действительности.

Л. Заремба (*Wybrane przykłady francusko-polskiej i polsko-francuskiej frazeologii roślinnej w aspekcie kontrastywnym*⁶⁴) приходит к выводу, что включение того

59 Там же, с. 665–675.

60 Там же, с. 677–688.

61 Там же, с. 689–698.

62 Там же, с. 699–707.

63 Там же, с. 709–718.

64 Там же, с. 719–734.

или иного растительного компонента в состав фразеологизма может быть продиктован не только языковыми причинами, но и экстралингвистическими, связанными с культурой и традициями данного народа.

Таким образом, многогранная коллективная монография «*Język i pamięć*» является значительным вкладом в современное языкознание, так как позволяет всесторонне осветить проблематику отражения памяти в языке и формирования языковой картины мира. Книга представляет интерес не только для лингвистов, преподавателей и студентов, но и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами взаимосвязи языка и культуры и языка и мышления.

Екатерина Рычева

Библиография:

- MOKIJKENKO, W., TARSA, J. (eds): *Język i pamięć: Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. urodzin*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2020. 734 s. ISBN: 978-83-7395-885-2.
- REVZINA, O. G.: Pamjat' i jazyk. In: *Kritika i semiotika*. Vyp. 10. Novosibirsk, 2006, s. 10–24.

About the author

Ekaterina Rycheva

Charles University, Faculty of Arts, Department of East European Studies, Prague, Czech Republic

Ekaterina.Rycheva@ff.cuni.cz

<https://orcid.org/0000-0002-8883-0628>



This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.